

ВЕРОНИКА ТКАЧЁВА

7 женских
историй

Вероника Ткачёва
7 женских историй

«Издательские решения»

Ткачёва В.

7 женских историй / В. Ткачёва — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747873-5

«7 женских историй» — сборник рассказов, содержащих в себе правду жизни, которая кажется порой невероятной, невозможной, немислимой. Тем не менее, это и есть реальность, пронизанная любовью и волшебством, разочарованием и болью, жизнью и смертью. В рассказах нет прямых вопросов и готовых ответов, но есть маячки и вехи, которые ведут сердце читателя к горизонтам, где прячутся истины... Возможно, поэтому «7 женских историй» впервые были изданы Союзом писателей России в серии «Лучший автор — 2015».

ISBN 978-5-44-747873-5

© Ткачёва В.

© Издательские решения

Содержание

Детские игры	6
Кармен постсоветского периода	10
Мисс Незаурядность	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

7 женских историй

Вероника Ткачёва

Редактор — Любовь Бросалина

Иллюстратор — Анна Шабанова

© Вероника Ткачёва, 2018

ISBN 978-5-4474-7873-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Детские игры

Внешность шестилетней Светланки полностью соответствовала её имени, в котором незамысловато запряталось слово «свет»: льняные волосы и голубые глаза, вечные белые крупные банты на аккуратной головке. И по характеру Светлана была похожа на солнечного зайчика – весёлого, тёплого, непоседливого. Она росла счастливым и любимым ребёнком. Её обожали не только родители и многочисленные родственники, которые баловали девочку, играли, заботились о ней. Даже у совершенно чужих людей она вызывала неизменную симпатию. Прохожие часто улыбались ей, гладили по голове, ласково заговаривали с ней. Мир всегда был повернут к Светланке тёплой и жизнерадостной стороной.

И она любила этот мир. Он казался ей чудесным, наполненным бесконечной живой тайной. Каждый цветок вызывал радость, каждая букашка удивляла. Для неё мир был полон ярких запахов, цветов, звуков.

В какие только игры не играла Светлана со своими подружками по двору!

Одним из любимых занятий было создание «секретиков». Технология изготовления «секретиков» проста, её знали, наверное, ещё наши бабушки. Как она передаётся? Может быть, генетически? Если спросить Светланку, кто научил её так играть, то она скажет, что это только её с подружками игры, только их «секретики».

А вы делали в детстве такие тайники? Уверена, что ответ будет положительным. Просто так, на всякий случай, опишем технологию. Сначала ищем стёклышко: на асфальтовой дорожке, в траве – где-нибудь да отыщется драгоценный осколок разбитой бутылки. Потом нужно найти подходящее место, чтобы сделать небольшую ямку в земле. В ямку кладётся что-то очень ценное: фантик, цветочек, обрывок яркой тряпочки. В общем, что-нибудь необыкновенное, завораживающее. Всё это закрывается драгоценным стёклышком. Стёклышко хорошенько придавливается, а с краев прикапывается землёй.

И – вот чудо! – из земли выглядывает яркое сказочное окошко.

Но ведь это секрет! Поэтому после того как полюбовался, нужно обязательно припорошить сокровище землёй.

А сколько восторга было, когда, выкапывая ямку для своего «секретика», Светлана и её подружки находили чужой! А может быть, они находили свой, только давно забытый?

И как было здорово играть с подружками! Каких только игр они не придумывали! Но самой любимой была игра в «войну». Нет, они не играли, как мальчишки: не стреляли и не убивали врагов. Они были на войне медсёстрами, которые спасают раненых или друг друга. Например, если подруга-медсестра попадала к врагам в окружение, то её нужно было вывести из вражеского кольца. Сколько же народу они спасли? Судя по тому, как часто они играли в эту игру, очень много!..

Ещё, конечно, были классики, вышибалы, резиночки, скакалки, казаки-разбойники, «на золотом крыльце сидели...», качели, горки или просто «крутилки-вертелки» на низкой ограде вокруг палисадничка их подъезда, сделанной из сваренных труб, покрашенной в зелёный цвет, – очень уж эта ограда походила на мини-турники... Но всё же самыми интересными и захватывающими для Светланки были игры в их девчачью «войну» и создание «секретиков».

Однажды в их дворе оказалась чужая девочка. Как она попала к ним – неизвестно. Но когда Светлана вышла из дому, то увидела, как та лежит на земле, а дворовые мальчишки бегают вокруг неё и дразнятся. Светлана присоединилась было к ним и стала так же кружить вокруг девочки, весело подпрыгивая и смеясь. Ей казалось, что от этого «чужачка» (так Светлана про себя назвала её) развеселится, встанет с травы и начнёт радостно скакать вместе со всеми. Но потом Светлана увидела залитое слезами лицо незнакомки, и острое чувство, которому она ещё не знала тогда названия, пронзило её сердечко. В этот момент она поняла,

что чужая девочка по-настоящему страдает. Светланка остановилась и начала ругать мальчишек, стала отгонять их от плачущей девочки. Её негодование было так велико, что мальчишки быстро разбежались, то ли убоившись её эмоций, то ли поняв свою жестокость. А может быть, им просто наскучила эта игра... Но чужачка продолжала горько плакать.

– Не плачь. Тебя больше никто не обидит, – дружелюбно сказала Светланка.

– У меня бабушка плохая. Я убежала от неё, – всхлипывая, ответила невпопад девочка.

– Почему ты так говоришь? Бабушка не может быть плохой, она тебя любит, – удивлённо возразила Светланка.

– Нет, она плохая, она собирает бутылки.

– Ну, не плачь. Я тебя никому не отдам. Я тебя спрячу. Ты, наверное, голодная. Сейчас я тебе принесу поесть. Как тебя зовут?

– Лена, – успокоившись, как-то бесцветно проговорила чужачка.

Новая подружка почему-то в ответ не поинтересовалась именем Светланки, но об этом было совершенно некогда думать.

Светланка побежала домой и по дороге всё прикидывала, где бы получше спрятать чужачку.

– Мам, я голодная, дай что-нибудь! – крикнула она с самого порога.

– Сядь и поешь, – ответила мама. В тот день она была занята Большой Стиркой.

В их доме бывало два вида стирки: Маленькая и Большая. Маленькая проходила как-то незаметно, как бы сама собой, между делом: мама руками стирала мелкие вещи, которые требовались каждый день. Большая же стирка случалась реже, длилась целый день и была настоящим событием (если не сказать бедствием) для всей семьи. С самого утра включалась стиральная машина, которая натужно булькала и ворчала до самой ночи. Машина была из породы полуавтоматов и обладала гордым и норовистым характером, даже, можно сказать, диким: то тряслась и рычала на всю квартиру, то разливала из серого резинового шланга мыльную воду по ванной и коридору. Поэтому мелкие вещи, от греха подальше, стирались вручную, а крупные – постельное бельё и полотенца – копились в виде здоровенной кучи в подсобном шкафу. Когда терпение шкафа переполнялось, то есть он забивался до отказа, начиналась Большая Стирка. Именно ею сейчас и занималась мама. И у Светланки была великая надежда, что маме сейчас не до неё и она разрешит взять еду на улицу.

– Нет, дай что-нибудь, я во дворе съем и ещё погуляю.

– Котлета подойдёт? – спросила мама, поглощенная войной с машиной, которая в очередной раз показывала свой норов.

– Да! – обрадовалась Светланка, она на такую удачу даже не рассчитывала. Максимум, на что она надеялась, это кусок хлеба. А тут впридачу целая котлета!

Она радостно побежала со своей богатой добычей назад во двор. Котлета и свежий хлеб так ароматно пахли! У Светланки к тому времени нагулялся хороший аппетит. И ей тоже очень захотелось душистой котлеты с мягким белым хлебом. Но ведь её ждала чужачка, которую нужно было покормить. Светланка должна была спасти эту девочку. От чего и от кого, она не знала, но то, что чужачка несчастна и нуждается в помощи, было ясно как день. И кто же ей поможет, кроме Светланки?!

Чужая девочка молча съела и котлету, и хлеб и стала рассматривать пространство где-то за спиной Светланки.

– Голодная или наелась? Я сейчас что-нибудь ещё принесу, – суетилась вокруг гостьи Светланка.

Та как-то скупно проявляла свои чувства: она спокойно, даже равнодушно ела вкусную котлету с хлебом и теперь так же спокойно-отстранённо смотрела куда-то за Светланку. Ни тебе «спасибо», ни тебе «как вкусно»... Но Светланка, жалея странную подружку, по-прежнему хлопотала вокруг неё.

Она снова сбежала домой и принесла бутерброд с сыром. Новая подружка и это так же спокойно-равнодушно съела.

Теперь чужую девочку надо было напоить водой. Светланка точно знала, что человеку для жизни вода просто необходима. Как же быть? Мама никогда не даст чашку или бутылку с водой на улицу – она считает, что водой можно облиться и тогда всё гуляние насмарку. Поэтому воду никогда нельзя было выносить на прогулку. Даже во время Большой Стирки. Светланка была в замешательстве. Потом она вспомнила, что недавно по телевизору в передаче «В мире животных» видела фильм о птицах. Там мама-птица из клюва выкармливала своего птенца. Тогда Светланка побежала домой, попросила попить, но не стала глотать всю воду, а часть принесла чужой девочке во рту. Она поила её, как мать-птица своего птенца.

Накормленная и напоенная, новая подружка выглядела совсем спокойной. Она неподвижно сидела на скамейке и опять смотрела куда-то за Светланку. Её по-прежнему мало что волновало. Светланка же, напротив, вся измучилась от тревожных мыслей:

«Слава богу, покормила. Вроде бы чужачка наелась. Но куда же её спрятать? Может быть, сказать маме? Нет, нельзя. Мама никогда не разрешит. Она будет искать родителей этой девочки или её бабушку, а бабушка у неё плохая. Ведь это только алкоголики собирают бутылки по помойкам. Что же делать?» – лихорадочно думала малышка.

Светланка уже знала, что есть такие люди – алкоголики, они плохие, они собирают бутылки и их надо остерегаться. Вот Нинка из десятой квартиры, все знают, что она алкоголичка. И бутылки собирает. А уж как напьётся, так высунется из окна и начинает протяжным голосом выть. Это она так поёт. Аж жуть пробирает от её пения. Недавно с синяком под глазом ходила. Мама сказала, это Нинка с кем-то подралась. В общем, алкоголики если и не плохие, то точно опасные люди. И бабушке-алкоголичке совсем нельзя отдавать чужачку.

Постепенно приближался вечер. Сейчас мама станет звать домой, а новая подружка ещё надёжно не спрятана...

– Лена, ну куда же ты пропала! Я ищу тебя, ищу... Лена, как же так можно! Милая моя! Нашлась!

Светланка даже вздрогнула от неожиданности. Перед девочками стояла пожилая женщина. Она была бледна. Лицо её выражало тревогу, которая постепенно сменялась облегчением и радостью.

– Нашлась! Дорогая моя! Пойдём домой, – женщина взяла чужачку за руку и собралась увести.

– А вы кто? – строго спросила Светланка женщину.

– Я Леночкина бабушка, – ответила та.

– Это вы собираете бутылки? – спросила простодушно-удивлённо Светланка.

Уж очень не вязался облик женщины с образом алкоголички. Она была опрятно одета, чем-то похожа на их воспитательницу из детского сада и совсем не походила на Нинку из десятой квартиры.

– С чего ты взяла? – недовольно спросила женщина.

– Мне Лена сказала.

– Девочка, Лена не совсем обычный ребёнок, она болеет. Иногда она что-то выдумывает, – холодно ответила бабушка. – Леночка, пошли домой. Я так волновалась, зачем же ты от меня убежала, – теперь уже совсем другим тоном обратилась она к внучке.

В её голосе слышались и упрек, и испуг, и волнение, и ласка.

Лена молчала.

Женщина снова взяла безвольную руку внучки, и та покорно пошла с бабушкой домой. Светланка смотрела вслед двум уходящим фигурам.

Чужачка не обернулась, не помахала Светланке рукой, не сказала ни слова. Она просто отвернулась и пошла, забыв и зачеркнув всё прошлое, что было минуту назад, а вместе

с этим прошлым и Светланку с её хлопотами и любовью, которую та изливала на эту странную девочку.

В это мгновение что-то незримое ушло из лучистого Светланкиного мира, хрупкая гармония дала пока тонкую, еле заметную трещинку. В этот миг Светлана стала старше, и какая-то волшебная дверца навсегда захлопнулась для неё...

– Светлана! Домой! – позвала мама.

Вечерело. На город ложились серые сумерки. Был ранний сентябрь. Деревья ещё не надели свои прощальные наряды. Пахло травами и остатками лета.

Москва, 2009 г.

Кармен постсоветского периода

– Ты Сашку не видала? – из цветущих кустов жасмина высунулась Маринкина голова.

Голова была увенчана мелкой химической завивкой и источала сильный запах духов «Быть может», который уверенно заявлял о себе сквозь благоухание жасминового куста. Из каких запасников Маринка выкопала эти советские духи?.. Но пахло ностальгически приятно.

Вопрос адресовался Елене Саввишне, которая недавно стала бабушкой и теперь гордо гуляла с новенькой яркой коляской по городскому парку.

– Тише ты, ребёнка мне разбудишь! – зашипела недовольно Елена Саввишна. – Нет, не видала я твоего мужа, а что?

Кусты затрещали и неохотно выпростали из своих душистых недр объёмное Маринкино тело. Маринка повернулась к кустам и деловито сказала в них:

– Выходи, не бойся!

Елена Саввишна широко распахнула глаза, от удивления у неё даже рот приоткрылся – огромный жасминовый куст выдал ещё одно тело. На этот раз совсем противоположного формата: длинное и худощавое, это во-первых, а во-вторых, мужское.

– Добрый вечер, – учтиво сказал мужчина.

– Д-добрый... – Елена Саввишна от удивления и любопытства даже слегка заикаться стала.

– Если моего увидишь, то ничего ему не говори! – суетливо-деловито проговорила Маринка.

Она подхватила мужчину под руку и быстро скрылась с ним за живописной группой туй.

– Вот ни здрасте тебе, ни прощай! – сказала Елена Саввишна, обращаясь к внуку. Тот в ответ нахмурил во сне бровки и активно засосал соску.

Маринке было уже под пятьдесят. И жила она в одном доме с Еленой Саввишной, буквально в соседнем подъезде. У Маринки была нормальная советская семья – супруг, за которого она выскочила замуж ещё совсем молоденькой девчонкой, и двое детей. Старшая – дочь. Ей исполнилось 24 года, у неё уже была своя семья, и жила она с мужем у его родителей. Сыну Маринки шёл двадцатый год, а потому он служил. И проходил службу не где-нибудь, а в горячей точке, в Чечне. Маринка души не чаяла в сыне. Прибегала к Елене Саввишне, когда получала от него письма, читала ей их, всхлипывая и нервно комкая носовой платок, в который порой трубно сморкалась.

– Если с ним что-нибудь случится, я этого не переживу, – иступлённо шептала она, – нет, не переживу!

– Опомнись, разве можно так думать! Да и дочь у тебя, – пыталась хоть как-то привести соседку в чувство Елена Саввишна.

– Что дочь?! Отрезанный ломоть. Сыночек мой! Мой свет в окошке! – рыдала Маринка.

– И вот на тебе: ещё себе светика в окне затеплила! – тихо ворчала Елена Саввишна, поправляя лёгкое голубое одеялко в коляске.

Внук завозился во сне, устраиваясь удобнее, выплюнул надоевшую соску и чему-то заулыбался.

В советское время Маринка выглядела как типичная продавщица продуктового магазина – толстенная, коротенькая, с золотой коронкой на переднем зубе, маленькие задорные глазки тонули в пышных, сдобных щеках. Губки бантиком она красила розово-малиновой дефицитной тогда помадой, которая ну никак не украшала её лицо. Одевалась она в фирменную, тоже дефицитную тогда одежду, которая тоже никак не шла ни к её фигуре, ни к лицу. Такой она и осталась в постсоветские времена. При этом Маринка ни тогда, ни сейчас не была

продавщицей. Она практически никогда не работала. У неё было повышенное давление, и она ещё на излёте семидесятых выхлопотала себе инвалидность. Деньги в их семье зарабатывал муж Сашка. Женившись на 19-летней Маринке, он быстренько заделал дочку, чтобы жене было чем заниматься в его отсутствие и не было возможности думать о всяких «глупостях». И укатил на заработки. На коммунистическую стройку, куда-то в дружественную нам часть Африки. Укатил на три года. А Маринка верно его ждала всё это время, растила дочку и раздавала всему двору невиданные тогда дивных розовых и жёлтых цветов ароматные жвачки с яркими картинками-вкладышами и такие же ароматные, тех же дивных цветов ластики, которые тоже казались съедобными. Всё это и многое другое она получала в посылках от мужа. Маринка была воспитана в строгих деревенских традициях: стерпится-слубится, а не слубится – всё равно себя блюди. Она и блюла. Чтобы о чём таком даже подумать – ни-ни!

Через три года муж вернулся. Привёз и денег, и дефицитов разных – бросовых и дешёвых там и таких желанных здесь. Да столько, что казалось, им на всю жизнь хватит. Ещё и на соседей останется. Муж, правда, сильно ругался на Маринку за её щедрость.

– Ты безалаберная! Бесхозяйственная! Тебе всё легко достаётся! – кричал он на неё по вечерам. И лицо его перекашивалось от злобы на Маринку и от жалости к утраченным навсегда по вине жены вещам и продуктам.

Маринка вздыхала, молчала, на пару недель унималась, а потом снова втихаря от мужа пихала какому-нибудь знакомому ребёнку яркий невиданный заграничный карандаш или наклейку, или угощала соседку очередной банкой солёных огурцов собственного приготовления.

А банок этих у них было... Каждую осень заготовки производились только что не тоннами. Маринка, забыв про своё давление и отекающие от долгого стояния ноги, проводила по полдня в продуктовых очередях, приносила огромные сумки с сырьем для заготовок из магазинов домой. А потом буквально дни и ночи варила, солила, закатывала. У неё начиналась настоящая страда, битва за сохранение урожая... То, что нельзя было сварить, засолить, замариновать, пытались сохранить другими способами.

Арбузы они умудрялись есть аж на Новый год. Для этого с осени их закупали в большом количестве и подвешивали к потолку в сетках на застеклённом балконе. При минусовой температуре арбузы снимались и заботливо переносились в тепло, а затем, при установлении благоприятных условий на балконе, водворялись обратно на свои места. До Нового года арбузы постепенно подъедались: то день рождения дочки, то Седьмое ноября – красный день календаря... К Новому году оставляли пару арбузов (это на всякий случай, если один окажется, несмотря на все старания, испорченным). И наконец красавец-арбуз гордо украшал собой новогодний стол, являясь как бы венцом всего хранилищно-заготовительного процесса.

Маринка была бы рада разделить это благоухающее свежестью чудо со всем двором, со всеми знакомыми и даже незнакомыми, но у них редко бывали гости: домовитый Сашка не любил чужих ртов в своих владениях. Родители Маринки умерли, а Сашкины жили в деревне под Смоленском. Поэтому даже родителей невозможно было усадить за этот обильный и чудесный новогодний стол. Вот так и встречали Новый год, узким семейным кругом: дети да Маринка с мужем.

Да что арбузы – так, баловство! Другие, более приземлённые и практичные продукты в каких-то неимоверных масштабах каждый год запасались на долгую зиму. Картошка закупалась мешками и хранилась на том же малогабаритном балконе. Яблоки (каждое аккуратно заворачивалось в газету) лежали в ящиках здесь же. Капуста квасилась большими чанами, грибы солились вёдрами. И всё туда же – на балкон! Со временем балкона стало мало. К их запасливому счастью, они жили на первом этаже. Каким образом пришла эта идея – непонятно, но Сашка пару лет под балконом копал что-то вроде деревенского подпола и выкопал-таки!

Теперь можно было запастись ещё больше и хранить ещё надёжнее. В общем, ни одна овощная база не могла сравниться с их талантом сохранять еду и генерировать заготовки.

Как по характеру – Маринка открытая, добрая, лёгкая, а муж Сашка, молчаливый, скупой на чувства и на деньги, скопидомок, одним словом, – так и по внешнему облику они разительно отличались друг от друга. Маринка, как мы уже говорили, была женщиной весомых достоинств, а Сашка, напротив, был мелкий и худосочный. Маринка не отличалась высоким ростом, но на фоне Сашки она казалась просто великаншей. Он был ей буквально по плечо. При этом Маринка боялась своего мужа и трепетала перед ним, как первоклассница перед директором школы. Наверное, Сашка в полной мере обладал комплексом Наполеона и крепко держал свою семью в повиновении все эти годы маленьким, но железным кулаком.

И вот по прошествии стольких лет казавшиеся надёжными домостроевские стены, похоже, дали ветвистую, как рога, трещину. Елена Саввишна долго недоумевала: что это сейчас было и не пригрезилось ли ей явление Маринки из цветущего жасмина с загадочным незнакомцем впридачу? Ни до чего не додумавшись, она повернула домой сверкающую на уставшем за день солнце колесницу своего обожаемого внука. Его пора было кормить, и другие мысли, более понятные и насущные, вытеснили всё остальное из сознания Елены Саввишны. Она уже выстраивала в голове порядок действий: вот сейчас придём домой, разденемся, надо будет сразу поставить бутылочку на водяную баню, а то ещё сегодня нам купаться...

– Ты Маринку не видала? – цепочку её хлопотливых мыслей прервал голос Сашки.

– Н-нет, – достоверно врать Елена Саввишна так и не научилась за все свои 56 лет, – и не ори ты, ребёнку перепугаешь! – сурово набросилась она на Сашку, чтобы скрыть своё замешательство.

Сашка был явно не в себе. Футболка только с одного бока заправлена в джинсы, волосы всклокочены. Он сейчас как никогда был похож на драчливого воробья, которому хорошенько досталось от собратьев-птиц, но это не погасило в нём боевого настроения. Не дослушав ответ, Сашка уже бежал дальше по благоухающим дорожкам парка.

– Что ж это творится такое?! – обратилась Елена Саввишна к проснувшемуся внуку.

Внук недовольно крикнул, видимо, уже проголодался. Елена Саввишна дала ему соску, которую он жадно засосал, и поспешила домой.

Вечером, когда внук был накормлен, вымыт и уложен спать, нагрязнула Маринка. Принесла письмо сына, которое она уже читала Елене Саввишне два дня назад. Маринка не плакала, не хлопала носом, не вздыхала; напротив, глаза её радостно блестели, щёки горели, движения приобрели девичью лёгкость.

– Чуть не поймал, – выдохнула она с порога, – но ничего, пронесло!

– Кто не поймал? Когда?

– Там, в парке. Сашка мой.

– Маринка, что это было? – строго спросила Елена Саввишна.

– Это Паша, мой любовник, – как-то повседневно и просто ответила Маринка.

– Какой любовник?! Ты что, сдурела? – возмущение захлестнуло Елену Саввишну.

– Так. Любовник.

– Слушай, у тебя климакс на носу, а ты что удумала?! – пыталась увещевать её Елена Саввишна.

– Вот именно! Двоих детей родила, а бабой-то себя только сейчас почувствовала. У Сашки-то у моего, не поверишь, х...й как у воробья... да может, и не в этом дело. У меня ж, кроме Сашки, никогда никого и не было. Раньше про *этой* не говорил никто, помнишь, как тётка-то сказала: «У нас в Советском Союзе секса нет», вот и не было его. А тут... Мы с Пашей в продуктовом нашем познакомились, он одинокий, два года как жену схоронил – рак, дочка у него взрослая, наших ровесница, но не замужем, с ним живёт. Вот мы и обретаемся где попало. Когда у него, если дочка на работе, а то и в парке гуляем.

– А как же Сашка? Как дети? Что ты им скажешь?

– Ой не знаю! Сашка уже что-то подозревает, но пока ещё не поймал. Дети... а что дети? Большие уже! А я жить только сейчас начала. Не поверишь, как проспала всё, а теперь только проснулась. Иду с ним по парку, держу его за руку, сердце колотится, низ живота ноет-ноет, а запахи вокруг просто с ног сбивают. Неужели так всегда пахло? Я, когда раньше с детьми гуляла, ну, с маленькими, вообще этого не замечала. Ничего не замечала. Вечно дом, дом, дом. Плита эта. Сашкин гундёж. Лишний кусок боялась съесть, детям не докладывала...

Глаза Маринки наполнились слезами. Она не могла выразить то, что с ней сейчас творилось. Её поздно проснувшаяся женственность рвалась наружу, жадно пытаясь наверстать упущенное. И одновременно всё её естество понимало, что уже ничего не вернуть, лучшие годы прошли, а она и не заметила. И теперь это последнее жарко-терпкое, горьковатое, как ягоды калины, счастье трудно удержать за огненный хвост: оно либо улетит, либо спалит собой всё вокруг. Она осознавала это нутром, не зная названия своему состоянию, поскольку восемь классов кое-как оконченной деревенской школы и прочитанные за всю жизнь полторы книжки не давали возможности понять до конца происходящее, дать себе отчёт в своих чувствах, просто назвать их для себя нужными словами.

«А ведь и правда, что ей за радость была с этим Сашкой? Пигмей он, и мысли его пигмейские. Маринка, хоть и простая, а добрейшей души...» – подумала Елена Саввишна.

– Ну ладно, ладно! – она погладила Маринку по руке. – Давай чайку попьём.

Елена Саввишна всю жизнь проработала редактором в издательстве и недавно ушла на пенсию, поскольку родился внук и её помощь с ребёнком была крайне ценна для работающих дочери и зятя. С простоватой полуобразованной Маринкой её связывало общее детство их дочерей, которые были практически ровесницами. Дети вместе играли в песочнице, а мамыши коротали время в нехитрых разговорах. Потом, всегда удобно, когда есть рядом приятельница, которая посидит заодно и с твоим ребёнком, пока ты сбегает за продуктами. Так и общались – без мудрствований, просто, по-соседски.

Внук рос крепеньким бутузом, радовал родителей и бабушку своими первыми успехами: загулил, сел, пополз. За повседневными радостями и заботами как-то вдруг настал сентябрь. Соседкин роман проходил незаметно для Елены Саввишны. Теперь Маринка редко приходила читать письма сына из Чечни. Иногда Елена Саввишна встречала её в парке под ручку с Павлом, иногда где-то среди деревьев промелькивал взъерошенный Сашка. Всё это проходило неким вторым планом через восприятие Елены Саввишны – не до того, внука растить надо!

А Сашка тем временем окончательно убедился в неверности жены. Он уже точно знал расписание и места встреч Маринки и её любовника. В душе его происходили странные, неприличные вещи. Дом с его продуктивно-хозяйственными заботами как-то отошёл на второй план, а жена, которая была как будто частью этого дома, придатком его, – вышла на первый и даже затмила собой всё остальное. И уже не нужно было так много всего: запасов, тряпок, мебели. Всё это сделалось неважным, каким-то пресным, невкусным, что ли. А Маринка, с её дородным телом, родным запахом, напротив, стала необходимой, как пища, вода, воздух. Ему хотелось вжаться в это мягкое тело, до полубоморочного состояния надыхаться им, наестся её теплом. Почти каждую ночь он пытался овладеть ею. Иногда она резко отказывала ему, ссылаясь на недомогания. Иногда после долгих споров неохотно уступала. Иногда с жалостью отдавалась сразу. Но всегда это было подачкой с её стороны, тело её молчало, оставаясь холодным и равнодушным.

Маринка никогда не выказывала особенных чувств при их постельном общении. Сашка, не имея большого опыта по части женского пола, считал, что так и должно быть. Но теперь он стал догадываться, что совсем не знал своей жены, не видел и не сумел разжечь огонь, заключённый в этом пышном, как перина, теле. А другой мужчина сумел! И эта женщина, которую он так часто попрекал куском хлеба, которая, как он считал, обязана ему всем, эта

женщина не принадлежит ему больше, да и никогда не принадлежала. Она терпела его около себя. Терпела, как терпит ломовая лошадь своего извозчика. Но не любила. И не желала. Просто жила с ним, потому что *надо*, потому что так принято у людей. Сашка тоже не мог всё, что происходило у него на душе, сформулировать для себя более или менее ясно, поскольку, как и Маринка, не мудрствовал над книжками и смыслом жизни. Его чувства были похожи на бесформенного тёмного спрута, который ворочался в душе, наполняя её болью.

«Ну ничего, вернётся сын. Вот тогда...» – смутно думал Сашка.

Ему казалось, что Маринкина любовь к сыну перевесит эту позднюю страсть к другому мужчине, и она забудет эту дурь, и всё будет по-прежнему.

В парке в кронах берёз появилась лёгкая жёлтая седина, травы пахли устало и грустно. В эту пору сын Маринки и Сашки целый и невредимый вернулся домой. Маринка на радостях прибежала к Елене Саввишне с рыбным пирогом и бутылкой сухого белого вина.

– Давай выпьем! Радость-то какая! К себе не зову. Там Сашка... А у тебя спокойно посидим, – тараторила Маринка без умолку.

Молодые как раз ушли гулять с внуком, отчего было не посидеть. Поели вкусного Маринкиного пирога, выпили сухого. Попели «Ой цветёт калина» и «Зачем вы, девочки, красивых любите», а напоследок, уже совсем захмелев, «Ой, мороз, мороз». Из Маринкиных мужчин говорили исключительно о сыне. Обе старательно избегали скользкой темы. Маринка – потому что не могла точно назвать свои чувства: а как тогда о них говорить?.. А Елена Саввишна – потому что не знала, что и сказать, одобрить она всего этого не могла, поскольку была женщиной старой закалки и строгих взглядов; но с другой стороны, она понимала и жалела Маринку.

Уже на пороге, прощаясь, Маринка сказала:

– А ведь всё это добром не кончится.

– Что не кончится? – спросила по инерции Елена Саввишна, хотя отлично понимала, о чём идёт речь.

– Да Сашка мой. Ночью страшно с ним спать. Лежу, глаза закрыть боюсь, всё слушаю: спит или не спит. А он дышит ровно, будто спит, но я-то знаю, что он притворяется. И я притворяюсь, что сплю. Но он тоже знает, что я не сплю. А мне всё кажется: закрою глаза, а он схватит подушку и придушит. Вот и лежу, тихо, как мышка. А потом как пот пробьёт и почти задыхаться начинаю, как будто он душит уже. Еле утра дожидаюсь. Потом днём присну на час-два, пока он на работе... – вконец разоткровенничалась опьяневшая Маринка. – Ну, я пошла, а то сын там уже от дружков своих пришёл, наверное. Мать тут все глаза выплакала, пока его ждала, а он первым делом к дружкам побежал.

– Ты, Мариш, давай, не дури. Всё будет хорошо. Вон и сын, слава Богу, дома теперь, – бодро-строго сказала Елена Саввишна, хотя сама понимала, что как-то этот узел должен развязаться и скорее всего безболезненно это не произойдёт.

– Конечно, всё будет хорошо, – отозвалась Маринка и ушла.

«Ох уж это наше русское „всё будет хорошо“! Что „всё“? И когда оно будет хорошо? И что в нашем понимании „хорошо“? И насколько наше понимание этого „хорошо“ отличается от понимания живущего рядом с нами? Ведь каждый из нас вкладывает свои представления в это „всё-будет-хорошо“. И то, что будет хорошо для Маринки, явно не будет хорошо для Сашки, и наоборот. Так кому же из них будет хорошо? И может ли быть хорошо им обоим после всего случившегося? Вряд ли. Тогда кто решает, кому будет хорошо, а кому нет?..» – думала Елена Саввишна, моя посуду.

Сашкины надежды не оправдались: Маринка почти не скрывала своей поздней и страстной любви от сына. Их встречи с Павлом не прекратились, и было видно, что сын уже о многом догадывается. Сашка видел в глазах сына снисходительное презрение. Сашке казалось, что он так и читает в них: «Ну и какой ты мужик после этого?!» И тёмный зловонный спрут, посе-

лившийся внутри Сашки, начинал разрастаться, тяжело и больно ворочаясь при этом где-то в области сердца.

Всё случилось через пару недель после возвращения сына из армии. Стояла золотая осень. Солнце радовало последним теплом. Маринка принаряжалась у зеркала. Явно собиралась на встречу с любовником. Сына не было дома. Сашка подошёл к жене и решительно сказал (давно он с ней так не разговаривал):

– Ну всё, хватит! Погуляла, и хватит! Кормил я и поил тебя, одевал-обувал! Ты мне обязана всем. Ты за свою жизнь сколько дней-то работала? А теперь хвостом ещё крутишь?! Никуда не пойдёшь!

И стал вырывать из её рук ацетатный шарфик, который она собиралась повязать на шею.

– Нет, это тебе хватит! Да я дура была, что жила с тобой всю жизнь. Слушала твои словочные попреки. Боялась ещё тебя, а ты и не мужик вовсе. Тьфу, а не мужик. Пупок с пипеткой. Отойди с дороги, – холодно проговорила Маринка.

– Да ты во всё моё одета! Моей едой эти телеса отрастила! Так ты ещё в моём к чужим мужикам бля... овать бегаешь и этими телесами над чужими х... ми трясеешь, – в голосе Сашки послышались истерические нотки.

– А ты свой х...й сначала отрасти, а потом за моими телесами смотри. Отойди с дороги, – так же холодно ответила Маринка и слегка оттолкнула его от входной двери.

– Тварь! Никуда не пойдёшь! – задыхаясь проговорил Сашка и бросился в сторону кухни.

Маринке осталось переобуться и выйти за дверь. Она спокойно наклонилась к низкому шкафчику с обувью, надела один ботинок и почти уже засунула ногу во второй, когда Сашка налетел на неё сзади и как-то сбоку, неловко всадил в неё кухонный нож. Маринка охнула и стала медленно оседать на пол.

А Сашка увидел, что всё её большое тело ослабло, как будто расплзлось. В этот момент он представил себе, что её больше никогда не будет. Не будет этой пышной груди, на которую когда-то так хорошо было прикладывать голову, не будет этого вкусного пухового тела, не будет самого её запаха, сладкого и возбуждающего. И он завыл. От страха и тоски. В этот миг он понял, что готов на всё, лишь бы она осталась жива. Он не боялся тюрьмы. В этот момент ему в голову даже не пришла мысль о наказании. Его смертельно испугало другое – потеря Маринки, её окончательный уход из его мира. И теперь уход её к другому мужчине не казался таким страшным, потому что сейчас-то она всё равно возвращалась домой, он дышал с ней одним воздухом, укрывался одним одеялом, пусть и без желания с её стороны, но он мог касаться её родного тела. И даже если Маринка решит уйти от него, то и тогда ещё будет надежда, что она одумается и вернётся, а если не вернётся, то всё равно будет где-то рядом, где её иногда можно будет видеть, слышать, обонять, и тогда всё равно будет надежда, потому что, кто знает, возможно, когда-нибудь она и вернётся... А этот уход туда, за черту жизни, – уход окончательный и бесповоротный, и это уход прежде всего от него. И навсегда.

Он бросился к телефону и трясущимися руками стал набирать 03.

Конец октября выдался на диво сухим, и Елена Саввишна с удовольствием гуляла по парку, где деревья частично сбросили листья и обнажилась чудесная перспектива для глаз. Лесистые части парка стали хрупкими и звонкими, аллеи – нежными, прозрачными, зовущими. Внук рос и радовал. Они уже гуляли в сидячей прогулочной коляске. Внук удивлённо тараторил на людей, собак, деревья, небо. Всё ему было внове, всё ему казалось прекрасным и загадочным. Он только начинал жизнь.

«Знать бы, каким ты вырастешь, – думала Елена Саввишна, глядя на внука, – все мы надеемся, что наши-то дети вырастут необыкновенными. И уж точно будут счастливыми. А получается... Ведь и Сашка когда-то был маленьким и, наверное, хорошеньким, а вот ведь...» И она завздохала.

Маринку спасли её жиры. Нож не проник глубоко и не задел ничего жизненно важного. Писать заявление в милицию на Сашку Маринка наотрез отказалась, поэтому и уголовного дела на него никакого не завели. Рана зарастала быстро, и через неделю Маринку выписали из больницы.

Елена Саввишна добралась до перекрёстка двух аллей и сейчас стояла в нерешительности: продолжить ли ей свою прогулку по липовой или пойти по еловой? Липовая – светлая, на внука будут падать солнечные лучи, всё-таки витамин Д, это перед нашей-то зимой... Зато в еловой фитонциды сплошные, это ж профилактика гриппа какая... Пока она мешкалась, из более тёмной еловой аллеи навстречу ей вышли три человека. Они чинно, спокойно шли по парку, лица их выражали довольство жизнью и даже счастье. Их будто выстроили по росту: фигура маленькая и щуплая, фигура повыше и округлая и самая высокая – сухощавая. Елена Саввишна внутренне ахнула: это же Маринка и два её мужика по бокам! Маринка была чем-то похожа на самовар – кругленькая, сияющая, с согнутыми в локтях руками, и за эти её округлые локотки уверенно и счастливо держались Сашка и Павел.

Берлин, осень 2012 г.

Мисс Незаурядность

Всю сознательную жизнь ей нравилось что-то этакое, незаурядное, экзотическое, поражающее воображение. В детстве она – как и все, пожалуй, дети – любила животных. Но не всяких, а только «этаких». Обычно «этакость» выражалась в размере: либо огромном, либо неправдоподобно мелком.

Ей нравились маленькие собаки. Чем мелкокалиберней была собака, чем больше не похожа на собаку, тем лучше. Нервные шавки на тонких ножках с выпученными (то ли от страха, то ли по селекционным соображениям) глазами вызывали в её душе неопишуемый восторг. Слегка смущала истерика в их лае, но зато – какие малипусю-сю-сенькие! Или, например, жирафы. Огромные – и с такими маленькими умильными рожками: сразу два свойства в одном животном. Восторг? Восторг! Страус и колибри, обезьянка с забавным именем мармозетка (но не орангутан, нет-нет, что вы!), кит и морской конёк, маленький пони и огромный слон с гипертрофированными ногтями на столбовидных ногах, да мало ли... Всего и не перечислишь, что подходило под понятие «незаурядность» с точки зрения нашей героини.

Кстати, имя родители дали ей вполне обычное – Людмила. В полном варианте оно звучало ещё ничего, но вот эти сокращения! И родители почему-то выбрали из всех сокращений самое ужасное: Люся. Вот почему не Мила?! Или на крайний случай Люда. Нет же – Люся! И с возрастом это положение вещей поправлялось крайне неудовлетворительно. Сначала наша героиня всегда представлялась полным именем. Но когда поняла, что большинство людей имеют склонность сокращать имена, она, дабы избежать неблагозвучных вариантов, стала добавлять: «Можно Мила». Но потом каким-то мистическим образом всё равно просачивалось это ужасное «Люся». И новые знакомые, вслед за старыми (с которыми они даже не встречались никогда!), начинали звать её Люсей. Откуда оно бралось, это сокращение?! У неё что, на лбу написано «Лю-ся»?..

Но вернёмся к незаурядному. То есть к характеру нашей героини. Эта склонность ко всему преувеличенному и преуменьшенному сохранилась у неё на всю жизнь. С возрастом к ней добавились и другие экзотические пристрастия. Например, какой-нибудь непривычный кулинарный изыск вызывал у неё моментальное, почти наркотическое привыкание – творог с солью (по-грузински), помидоры с сахаром (по-китайски), ананасы с солью и мелкими высушенными гадами – наверное, креветками (ещё по-каковски-то). Этих мелких гадов она с трудом добывала в крайне неэкзотичной Москве. Пару раз травилась ими (возможно, ей подсунули перемолотых московских тараканов, по самые усы напичканных ядами и отравками, которыми с ними безуспешно боролись уже несколько поколений москвичей, пока вчерашние немосквичи, а теперь полноценные жители столицы, не решили выловить их для своего обогащения). Но даже это не останавливало нашу Люсю. Попробовав раз экзотики, она потом иного в рот не брала. Возможно, ей и не было очень уж вкусно, но зато – как незаурядно!

Одно время наша героиня увлеклась мистикой. В какой-то недобрый час её занесло в один книжный магазин, который в изобилии предлагал литературу подобного рода. Обстановка там была завораживающая. В магазине звучала заунывная музыка, от которой хотелось разлечься на полках с книгами этакой мягкой благородной пылью и лежать так веками, созерцая всё несовершенство проявленного мира, постигая при этом вечную истину. В магазине перманентно возжигались сладковатые благовония, кругом стояли всяческие яркие штуки-дрюки вроде африканских статуэток якобы из чёрного дерева, индийских слоников-ганешей и просто слоников, которые стояли у наших прабабушек на комодах в сакральном количестве семи штук; всевозможных зеркал, вышитых кошельков, кошелёк и сумочек. Всё это закупалось оптом по три копейки за кило где-то на пыльных далёких экзотических базарах, а теперь зазывно лежало на полках этого магазина с кругленькими числами на ценниках.

Конечно же, наша героиня ни при каких условиях не смогла бы ограничиться однократным посещением такого шикарного места. Несколько раз она приезжала в эту Мекку эзотерического знания, нагружалась бесценными томами с умопомрачительными названиями «Философия Жизни и Смерти от Мастера Белой и Чёрной Магии А. А. Коллапсовича», «О трансцендентном за чашкой чёрного кофе», «Полное собрание сочинений Сократа под редакцией Рима Ивана», «Стальная Скрижаль» некоего Е. Булавацкого, «Справочник лекарственных растений», «Пошаговая инструкция по применению силы мысли» автора А. Х. Безуменко и тому подобными книгами. А потом на последнем издыхании тащила все эти тяжёлые тома через всю Москву к себе домой.

Как-то в один из своих приездов в этот магазин она задержалась около доски объявлений. Порой там попадались совершенно жуткие воззвания, а иногда крайне полезные. Наряду с «продам душу дьяволу» или «ищу подругу-ведьму для совместных полётов на шабаш» там могла висеть реклама нового вегетарианского кафе (где действительно было дёшево, вкусно, а главное – здорово, как и обещалось) или проводился набор на отличные курсы йоги.

В тот день полдоски занимал собой плакат, вышедший из недр организации с громким названием «Международный Духовный Центр По Развитию Сенситивности „Аурическое зрение“». А под плакатом, на столике, в прямоугольном лотке лежали аккуратные брошюры – младшие сёстры плаката. Радужные бумаженки хором обещали каждого научить видеть ауры других людей. Они убедительно доказывали, что ничего хитрого в этом нет, каждому это дано, только вот не каждый берёт в руки брошюры из лотка, а потом приходит с ними в Центр Духовного Развития на курсы, а кто однажды пришёл, тот давно уже всё увидел. Кроме того, радужную бумажку очень полезно взять с собой, так как она даёт право на один бесплатный демо-урок.

И наша героиня, конечно же, взяла одну брошюру и пошла на такие полезные курсы. В течение первых пятнадцати минут ей были даны ценные и совершенно бесплатные знания, которые больше походили на отработку приёмов нейролингвистического программирования. В последующие полчаса она буквально на коленке подписывала какой-то договор с Центром, где главным пунктом смело обещалось за три недели регулярных тренировок гарантированно обучить Людмилу хитрому умению видеть ауру любого человека. За свои стопроцентные гарантии организаторы курсов брали приличные деньги, а как же, за гарантии надо платить!

Курсы проходили в каком-то зачумлённом подвальном помещении. Организаторы спешным ремонтом и искусственными пальмами попытались облагородить отсыревшие стены, сгладить извилистость помещения, отбить затхлый подвальный запах всевозможными отдушками. Но подвал стойко не поддавался – по стенам расползались живописные разводы с грибком, пронзительно пахло сыростью и вкрадчиво, но уверенно, – кошками. Правда, непрезентабельный вид добавлял загадочности аурическому сборищу: все участники действия казались себе первыми христианами, познающими запредельную истину в потаённых катакомбах.

(В скобках заметим, что автор никоим образом не хотел бы опорочить таким сравнением первых христиан, к которым относится с уважением и пиететом.)

Наша Люся честно отходила на занятия все отпущенные на прозрение три недели, не пропустив ни одного дня. Все инструкции она выполняла с фанатичностью средневековых инквизиторов (катакомбы, видимо, накладывали свой отпечаток на психику; хорошо одно: инквизиторские замашки Люси были направлены исключительно на собственную персону): до умопомрачения пучилась на белую стену за головой своего партнёра по аурическому зрению; накупила кучу специальных книжек, где были какие-то невообразимые узорчики (нужно было некоторое время смотреть на эти узорчики «расслабленным зрением», и потом словно ниоткуда выплывал дивный объёмный рисунок, настоящее 3D!); медитировала на пламя свечи. Но не помогло ничего – ауры она так и не увидела. Книжки с запятанным 3D-чудом она смогла освоить только начального уровня. Дальше же, сколько ни таращила глаза, удаляя и приближая

книжку с волшебным рисунком для продвинутых, ничего кроме монотонных закорючек она не видела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.